

Шао Синтан, закончив говорить, ослабил поводья белого коня, легонько хлопнул его по крупу и направился в сторону, откуда должен был вернуться Цинь Юэжун.

Сделав несколько шагов, он снова услышал стук копыт. Обернувшись, увидел, что Цинь Юэжун все еще следует за ним.

— Молодой господин Жун, у вас есть дело? — Шао Синтан приподнял изящные брови, обращаясь к Цинь Юэжуну, который уже поравнялся с ним.

— Ты меня ненавидишь? — Цинь Юэжун, выросший в знатной семье, сразу понял, что Шао Синтан не хочет, чтобы он следовал за ним, и задал этот вопрос.

— Как такое может быть!

На самом деле Шао Синтан хотел сказать: как ты мог задать такой глупый вопрос. Да, я тебя ненавижу, но говорить это было бы слишком жестоко.

Он не знал, был ли этот молодой господин Жун действительно глуп или просто притворялся, но тот, казалось, не понял, что это была просто вежливость, и вместо этого выглядел радостным, даже подогнал своего гнедого коня ближе к нему.

Даже если бы он и не ненавидел его, вряд ли стал бы сближаться с ним так быстро. При первой встрече он назвал его низким человеком, готовым подчиняться мужчинам и торговать своим телом. При второй встрече он разбил его сине-белый фарфор, который он собирался использовать, чтобы выкупить свою свободу. Это была их третья встреча, и кто знает, что еще могло произойти. Шао Синтан чувствовал, что такой человек ему вряд ли понравится...

Цинь Юэжун не уходил, продолжая следовать за Шао Синтаном, который, в свою очередь, не мог просто хлестнуть коня и ускакать прочь. Вместо этого он медленно ехал рядом с молодым господином из семьи Цинь по тенистой аллее.

Никто из них не говорил ни слова, лошади шли близко друг к другу, и в этой странной атмосфере они медленно двигались вперед под безоблачным небом, и лишь слышался шорох копыт, ступающих по сухим осенним листьям.

Цинь Юэжун не ожидал встретить здесь Шао Синтана. В последнее время он чувствовал себя плохо, пытаясь забыть этого человека. Днем он работал в больнице, даже взял на себя управление несколькими магазинами отца, чтобы занять себя и не думать о нем. Но это не помогало. Каждую ночь он не мог избавиться от образа тех ясных, упрямых глаз...

Когда он выходил с друзьями, они замечали, что он потерял былую энергию, сидел в углу и пил в одиночестве. Друзья уверенно говорили, что он переживает разрыв, и спрашивали, какая же девушка могла быть настолько слепа, чтобы отказаться от такого талантливого человека, как молодой господин Жун.

Если бы это действительно был разрыв, было бы проще. Самое печальное было в том, что он никогда не владел им, так что о какой потере могла идти речь...

Они утешали его, говоря, что тот, кто не смог распознать его достоинств, обязательно пожалеет и вернется с мольбами. Цинь Юэжун лишь горько улыбался. Даже находясь в низком положении, этот человек был настолько гордым, что даже не удостоил его взгляда. Даже такой герой, как Юй Чжаньнань, склонился перед ним, так что как он, Цинь Юэжун, мог рассчитывать на его внимание...

Любовь к этому человеку впервые заставила молодого господина Жуна, с рождения окруженного заботой и любовью, почувствовать себя недостойным. Он чувствовал, что никогда не сможет заслужить его внимания, что все его усилия бесполезны, и это доводило его до самоуничижения...

Его подавленность не проходила, даже становилась сильнее. Друзья пытались помочь ему, знакомя с красивыми девушками и даже молодыми господами. Но ничего не помогало. Цинь Юэжун пытался общаться с ними, чтобы забыть эту безнадежную любовь, но они не были так прекрасны, как он, не обладали тем упрямым и гордым взглядом, не вызывали в нем ни капли чувств...

В конце концов, даже прикосновение к ним казалось ему оскорблением, поруганием его чистой любви...

И так Цинь Юэжун продолжал страдать...

— ...Прости. — Цинь Юэжун с трудом произнес эти слова, не помня, чтобы он когда-либо раньше извинялся перед кем-то. — За тот сине-белый фарфор... я возмещу тебе ущерб.

Шао Синтан спокойно сидел на лошади, наслаждаясь редким моментом свободы, и его настроение было хорошим. Услышав его слова, он ответил:

— Не нужно, ты ведь не специально.

На самом деле Шао Синтан думал о том, что Юй Чжаньнань сегодня проиграл ему столько золота, что его хватит на всю жизнь, и он даже не знал, сможет ли унести все это. Иначе он бы, возможно, действительно попросил Цинь Юэжуна выплатить ему деньгами. Однако намерение Цинь Юэжуна возместить ущерб было похвальным. Он думал, что все молодые господа из знатных семей ведут себя как разбойники, не возвращая долгов.

— Как же так... — Цинь Юэжун не осмелился предложить выплатить деньгами. Из-за их первой встречи он теперь боялся упоминать деньги перед Шао Синтаном.

— Говорят, ты работаешь в больнице? — Шао Синтан был в хорошем настроении и решил, что этот молодой господин не так уж и неприятен. В конце концов, он сам поступал с ним неправильно, даже оскорблял его, а тот не держал зла. Поэтому он просто задал вопрос.

— Да. — Цинь Юэжун, увидев, что Шао Синтан сам заговорил с ним, очень обрадовался и с энтузиазмом начал рассказывать.

Тем временем Юй Чжаньнань наконец избавился от назойливости Ци Дакая, обернулся и, не увидев Шао Синтана, направился к небольшому ипподрому, чтобы найти его.

— Я вернулся из Японии в прошлом году и сейчас работаю в Национальной больнице, делаю операции, учусь у старших врачей... — Цинь Юэжун остановился на полуслове, вспомнив, что его друзья, кажется, ненавидят японцев, и даже упоминание о его обучении за границей вызывает у них гнев. Он не знал, разделяет ли Шао Синтан такие взгляды.

— Это хорошо. Сейчас японская медицина действительно более развита, чем наша. Вернувшись, ты сможешь применить свои знания, чтобы помочь тысячам солдат, изгнать этих японцев с нашей земли. — Шао Синтан даже не заметил его смущения, продолжая высказывать свои мысли.

— Я тоже так думаю. — Глаза Цинь Юэжуна загорелись, словно он нашел единомышленника.  
— Мои друзья в стране, как только слышат о японцах, сразу начинают злиться. Они не думают об этом, а только ругают меня за то, что я выбрал обучение в этой стране. А в прошлом году, когда Япония напала на Китай, они спрашивали, почему я не вернулся. Но тогда мне оставалось всего полгода до окончания учебы. Я считал, что не могу бросить все на полпути, должен закончить и вернуться, чтобы служить родине.

— Хорошая мысль. Каждый должен думать о том, как максимально использовать свои силы, а не слепо жертвовать собой. Нужно стремиться стать тем, в чем нуждается страна, идти туда, где она нуждается, а не сидеть дома и проклинать врагов. Если действительно ненавидишь, то бери оружие и иди в армию, убивай врагов, каждый убитый — это уже победа.

Шао Синтан, сидя на лошади, неторопливо произносил эти слова, но они заставили Цинь Юэжуна почувствовать прилив энтузиазма. Он был полностью согласен и, взволнованно, сказал:

— Прекрасно сказано! Не думал, что у тебя могут быть такие мысли... — Цинь Юэжун даже запнулся, говоря о таких важных вещах, как честь нации и судьба страны.

— Что, я не китаец? Или я, низкий актер, не достоин таких мыслей? — Холодно спросил Шао Синтан.

— Нет, я не это имел в виду, я хотел сказать, что... — Цинь Юэжун подумал, что тот его неправильно понял, и начал нервно оправдываться, но слова путались.

— Шучу. — Шао Синтан понял, что он слишком серьезно воспринимает все, и, больше не притворяясь холодным, слегка улыбнулся.

Эта улыбка была поистине ослепительной, и Цинь Юэжун замер, чувствуя, как его сердце наполнилось теплом. Только через несколько секунд он понял, что Шао Синтан просто подшучивал над ним.

Шао Синтан уже развернул лошадь и направился обратно. Цинь Юэжун догнал его, смущенно сказав:

— Ты посмел надо мной подшутить!

— Кто это видел? — Шао Синтан притворился, что оглядывается по сторонам, изображая наивность.

Сердце Цинь Юэжуна наполнилось сладостью, как мед, и нежностью, как ветви ивы в феврале, ласкающими его нервы...

Юй Чжаньнань, прибыв на ипподром, не увидел Шао Синтана и, узнав, что тот отправился в горы один, без сопровождающего, пришел в ярость. Он гневно отругал работников ипподрома, схватил лошадь и помчался вперед. Даже несмотря на заверения сопровождающих, что Шао Синтан хорошо управляет лошадью и ничего не случится, он не мог успокоиться и мчался по единственной дороге в горы, лошадь неслась с бешеной скоростью.

Авторское примечание: Ох, Цзиньцзян сегодня глючит, комментарии прыгают, ответил, а их не видно, ох, не вините меня.

<http://bllate.org/book/16353/1478238>